

УХОЖЕННАЯ МОРДОЧКА, ЛЮБОВЬ МОЯ

Мейнстрим уже сожрал Тима Бертона, а московский прокат только начинает жевать «Планету обезьян»

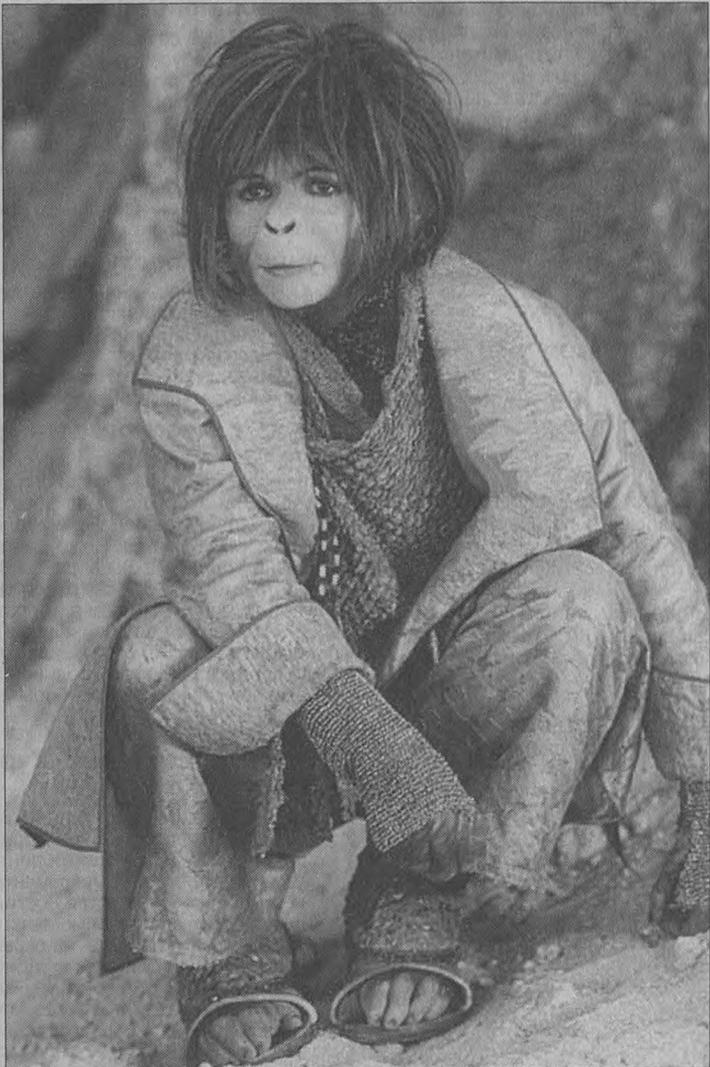
Александр Кондуков

ТИМА БЕРТОНА давно занимала «Планета обезьян» Франклина Шэффнера образца 1968 года: сверходаренный режиссер, один из ведущих постановщиков девяностых был в свое время покорен пластикой фактурных приматов и в начале нового века представил модернизированный вариант трансгалактической саги.

Экшн от Бертона по той же боевовой книжке Пьера Булля, которая была источником «Планеты» Шэффнера, получился откровенно вторичным: пиетет восторженного киномана обернулся тусклым блеском отработанных приемов. Реализация детских фантазий Тима Бертона, который всегда хотел совмещать гигантские бюджеты с деятельностью одержимого изобретателя и чокнутого фантазера, теперь выглядит разочаровывающе. Перед нами Бертон — рационализатор, подавленный гигантоманией. Мечущий бисер фокусник, которому приелся проверенный кунштюк. В каждом сумрачном кадре «Планеты обезьян» сквозит тяжеловесная усталость, а по определению рыхлая конструкция фантастического блокбастера забетонирована изобретательным гримом и компьютерными ландшафтами. Вундеркинду американского кино уже за сорок — Бертон разучился беззаботно играть в богов и монстров. Он делает деньги (в копилке «Планеты обезьян» 170 миллионов долларов) прагматично и сурово.

Как и большинство фильмов Бертона, «Планета обезьян» представляет картонные миры древних фильмов «серии Б» в мегабюджетном паспорту. Однако на фоне недавних ремейков 60–70-х («Похитители тел» Абея Феррари или «Детектив Шафт» Джона Синглтона) Бертон просто был обязан выделиться. Все карты спутал неожиданно подкравшийся монстр. Ричард Занук (продюсировавший еще первую «Планету») оказался гарантом незыблемой легенды. Бертон слишком ценит затхлый аромат старой-старой сказки, а в присутствии одного из непосредственных создателей шедевра Шэффнера он попросту не сумел наполнить свой цветастый ланч-бокс ничем, кроме фильмотечной пыли, которую подняла многотысячная армия горилл.

Тим Бертон создал совершеннейшую пустоту. Без внятных характеров, без трезвых мотивировок, без огня Пьера Булля и трескающей бутофории Франклина Шэффнера. Место Чарлтона Хестона занял Марк Уолберг, отчаянно цепляющийся за звание крупной голливудской звезды. Его астронавт Лео Дэвидсон выглядит настоящим человеческим самцом:

И гориллы могут быть трогательными...
Кадр из фильма «Планета обезьян»

бессмысленно горящие глаза и бугрящиеся бицепсы, элегантная стать и природная энергетика. Его скуластое лицо добродушного рабочего парня по зверской притягательности дает фору любому герою старой закваски (Хестону или Кирку Дугласу, например). Крупные черты лица Уолберга (как и не менее модного Рассела Кроу) не имеют никакого отношения к лакированной элегантности звезд прошлого.

Герой нового тысячелетия давит на основные инстинкты, заставляет восторгаться и ненавидеть. Проявлять эмоции сколь редкие, столь и вредные. Именно Уолберг в компании знатной пловчихи Эстеллы Уорен и призван возглавить род людской на славном поле битвы с обезьянами-угнетателями, за маски которых скрываются изощренные лицедеи на шапочный разбор: Тим Рот (шимпанзе-фашист), Хелена Бонэм Картер (шимпанзе-либералка) и Пол Гиаматти (орангутан-работоговец). Аналогии с «Гладиатором» (где на месте пер-

версивного противника блистал изощренный Хоакин Феникс) продолжают: Тим Рот — бесстрашный соперник с мутным взглядом и развинченной пластикой вампира поблескивает мутными глазами и вожделем благородную Хелену Бонэм Картер, скрывающуюся за ухоженной мордочкой шимпанзе Ари.

Тим Бертон оказался заложником идеи грандиозного ремейка. Он придумал несметное множество гэгов и режущего глаз дизайна, его постоянный соратник Дэнни Эльфман создал вездливую и скрипящую музыку, а гениальный оператор Филипп Руссло запечатлел масштабные сцены резни. Других достоинств в «Планете обезьян» нет, а возможность любовной лихорадки между человеком и шимпанзе может возбудить разве что американских ханжей. В конце концов существовал Нагиса Осима с провокационным этюдом «Макс, любовь моя». В американском прокате этот изящный фильм не собрал практически ничего.